

УДК 316.62

РЕАКЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ 1990-х ГОДОВ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2019 г. Р. Х. Симонян

*Доктор социологических наук, главный научный сотрудник Центра европейских исследований
ИМИ МГИМО МИД России; 119454, Москва, пр. Вернадского, 76, Россия.*

E-mail: sim@isras.ru

Поступила 03.12.2017

Аннотация. Изучение реакции группового и общественного сознания на кризисные ситуации — одна из наиболее важных и сложных задач социальной психологии. Статья посвящена начавшимся в 1992 году экономическим преобразованиям, оказавшимся тяжёлым испытанием для населения России: закрылись многие предприятия — из 33.6 тыс. средних и крупных сохранилось чуть более 5 тыс., 55% населения оказалось или за чертой бедности, или на грани этой черты, произошёл взрыв преступности — к началу 1995 г. в стране действовало более 15 тыс. преступных групп, упала общественная мораль, началась депопуляция населения, словом, качество жизни существенно ухудшилось. Но, несмотря на возникшую ситуацию, в стране, характеризующейся высоким уровнем политизации, не было отмечено сколько-нибудь заметного уличного протеста. В статье проанализированы социально-психологические причины этого социального феномена: с одной стороны, ощущение разочарования и обречённости у населения в результате неудачных реформ, а с другой, внедрение общественной анонии в ходе организованной в средствах массовой информации кампании по оправданию реформ и методов их проведения.

Ключевые слова: экономические реформы 1990-х, морально-психологическая атмосфера, фрустрация, кататонический ступор, индоктринирование сознания, “особый путь России”.

DOI: 10.31857/S020595920002254-5

ИТОГИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ 1990-Х ГГ. В РОССИИ

Постсоциалистические страны Европы и Азии, не имевшие к началу 1990-х годов сравнимых с Россией природных, технических и человеческих ресурсов, успешно развиваются. В России итоги реформ оказались, по словам академика О. Богомолова “драматическими — прямо противоположными, чем в других странах, и больших и малых, как в европейских, так и азиатских” [1, с. 9]. Подтвердился философский закон возрастания роли субъективного фактора в историческом процессе, что можно видеть при сравнении деятельности В. Гавела, Н. Назарбаева, Т. Мазовецкого, В. Мечьяра, А. Бразаускаса, Нгуен Ванлиня, Э. Савишаара, Дэн Сяопина с деятельностью российских реформаторов.

Время осуществления российских экономических реформ воспринимается сегодня как “лихие

девяностые”. После ордынского нашествия в истории нашей страны был только один период, получивший собственное имя — начало XVII века — “смутное время”. Смуты — это хаос, раздоры, беспорядок. “Лихо” в российском просторечье имеет и более конкретное, и более негативное содержание: оно означает “зло”. В словаре Ожегова “лиходеи” означает “злодей”, “мучитель”, а “лихоимец” — вымогатель, взяточник. Там же приведён пример: “хлебнуть лиха — узнать горе, беду” [18, с. 328–329, 735]. В этом смысле понятие “лихие”, по-народному кратко и глубоко характеризующее период реформ, является архетипическим.

Во время Второй мировой войны валовый внутренний продукт в СССР сократился на 24%, в период Великой депрессии в США ВВП сократился на 29%, в период с 1992 по 1998 г. ВВП в России сократился на 47%, а промышленное производство уменьшилось на 59%. Масштабы “лиха” в 1990-е гг. оказались уникальными в мировой истории. “Па-

дение выпуска продукции в России, — отмечает директор института исследований Европы и России Карлтонского университета (Оттава) П. Дуткевич — квалифицируется в учебниках экономики как самый крупный в истории человечества рукотворный экономический кризис, сфабрикованный творцами экономической политики” [13, с. 43].

По данным директора НИИ статистики Госкомстата РФ В.М. Симчеры в РФ в 1991 г. было 33,6 тыс. средних и крупных предприятий, в 2000 г. — всего 5,1 тыс. [23, с. 14]. Разрушение производственного потенциала великой страны, происходившее на глазах всего мира, вызывало глубокое недоумение у научного сообщества. “Проблема России состоит в беспрецедентно всеобщей экономической катастрофе в экономике мирного времени, — писал С. Коэн через шесть лет после начала реформ. — Катастрофа настолько грандиозна, что мы должны говорить о не имеющем прецедента процессе деиндустриализации, происходящем в конце XX века”¹. Разрушение промышленности создало в стране напряжённую социальную ситуацию, значительная часть населения лишилась средств к существованию. После либерализации цен 2 января 1992 г. стоимость основных продуктов питания увеличилась в 10 раз, пенсии были проиндексированы лишь в 2 раза, а зарплаты остались прежними. “34% населения России живёт за порогом или на грани бедности, 7% находятся в состоянии глубокой нищеты. Ещё 14% бедных также прочно застряли в этом состоянии” [25, с. 178–179], у городских помоек скопились голодающие, на улицах городов появились сотни тысяч беспризорников. Резко увеличилась преступность. В январе 1995 г. на территории России, по данным МВД РФ, действовало более 15 000 криминальных групп (в 1990 г. их было менее 30) [7, с. 76]. В марте 2002 г., выступая на коллегии Генпрокуратуры, Президент РФ В. Путин констатировал, что “значительная часть российской экономики находится под контролем организованных преступных группировок”².

Началось вымирание нации: в 1992 г. население РФ впервые с 1945 г. не увеличилось, а сократилось — на 220 тыс. человек. В 1993 г. естественная убыль населения России уже составила более 750 тыс. человек, в 1994 г. — 900 тыс. чел., а в 2000 г. — 970 тыс. чел. И только в 2013 г. был зафиксирован естественный прирост — 24 тыс. чел. По подсчётам демографов, за этот период прямая убыль населения составила не менее 14 млн чел.

«Осуществлённая в 1992–1994 гг. так называемая “шоковая терапия” с наибольшей силой ударила по здоровью населения, резко увеличив его

¹ Коэн С. И это называется реформы? // Независимая газета. 27.08.1998. С. 3.

² Российская газета, 28.03.2002. С. 2.

смертность. Наиболее наглядно суть реформ эпохи Ельцина–Гайдара характеризует динамика суицидов. Число самоубийств в 1994 г. по сравнению с 1991 г. возросло на 59,7%, в том числе у мужчин на 66,1%, а у сельских мужчин — даже на 73,6%» [21, с. 37]. Знаменитый кардиолог Е. Чазов пишет: «В “лихие 1990-е” я не раз предупреждал власти о грядущем всплеске смертности “от сердца” после стресса, вызванного шоковой терапией, смертности из-за истощения жизненных сил народа. Такого огромного количества людей мы не теряли со времен войны»³.

Начавшиеся в январе 1992 г. российские экономические реформы нынешний помощник президента России академик РАН С. Глазьев определил как “политику саморазрушения экономической системы государства, проводившегося в России под видом либеральных экономических реформ. Это была политика, которая вышла за рамки законности и приобрела характер экономического геноцида широких слоев населения” [8, с. 11].

Почему же страна сумела избежать масштабных социальных потрясений?

КРИМИНАЛЬНАЯ ПРИВАТИЗАЦИЯ ЗАСТАЛА ОБЩЕСТВО ВРАСПЛОХ

В зарубежном общественном исследовании поиску ответа на него посвящен ряд исследований. Так, в монографии американских экспертов-славистов “Россия в новом столетии: стабильность или беспорядок?” Дж. Бреслауэр дает этому парадоксу достаточно аргументированные объяснения. “Во-первых, население выживает за счёт теневой экономики, которая и спасает людей от голода. Во-вторых, жизненные силы и психологический тонус значительной части населения подорваны настолько, что оно не только не способно ни на какое сопротивление (кроме разве что единичных спонтанных акций), но и, смирившись заранее с любым развитием событий, просто обречённо ждёт конца. В-третьих, высокая готовность конструктивно участвовать в социальных преобразованиях, которая была у многих в конце 1980-х — начале 1990-х гг., после первых двух-трёх лет реформ сменилась глубокой апатией и ностальгией по советским временам. В-четвертых, процесс социально-экономических перемен разрушил основы коллективной солидарности” [27, с. 53].

Следует согласиться с мнением американского аналитика о высокой адаптивной способности россиян, об атомизации общества как следствия борьбы за физическое выживание и безразличия к происходящему. Однако, учитывая масштаб влияния

³ Аргументы и факты. 2008. № 18. С. 2.

российской реформации на траекторию развития страны, необходимо подробно проанализировать источники общественной апатии, осмыслить происшедшее, ибо “все пережитое частным человеком, прежде всего, — нерелексивное страдание, уходит в никуда, если оно не подверглось институциональной или специализированной общественной проработке” [10, с. 58].

Для россиян реформы 1990-х, и прежде всего обвальная приватизация, не были шоковой терапией, они были просто шоком [12]. Обрушение общественной морали произошло настолько неожиданно, что люди, прошедшие за годы советской власти через череду многообразных испытаний, привыкшие, казалось бы, ко всему, были совершенно не готовы к тому, что вот так просто, созданную трудом многих поколений, часто ценой лишений, огромную государственную собственность передать в руки “узкой группы лиц” (эвфемизм уже более 20 лет кочующий по нашей научной периодике). Это было за пределами воображения.

Население, испытавшее сильнейшее эмоциональное потрясение, оказалось в состоянии, которое в психиатрии определяется как кататонический ступор, блокирующий волевые возможности людей. В этом состоянии восприятие атрофировано безысходностью, вся боль затихает и возникает успокаивающая нечувствительность [14, с. 197–199]. Послешоковые подавленность и апатия — мало пригодная основа для массовых протестов. Даже многомесячные задержки зарплаты, ставшие нормой после начала реформ, не смогли вывести на улицу людей, деморализованных происходящим.

Заторможенность реакции в соответствующем состоянии описаны психологами [24]. Можно указать и на исторические аналогии. Например, вызвавшую острый научный интерес пассивность еврейского населения Германии в конце 1930-х гг., покорность, отсутствие протеста против лагерей смерти. Образ еврея-жертвы, не оказывавшего никакого сопротивления, поначалу вызывал недоумение и даже осуждение: “как это шесть миллионов евреев позволили нацистам уничтожить себя”, “виноваты давшие убить себя, а не только фашисты”, “почему евреи не бунтовали” [19, с. 129].

На обыденном уровне групповое и массовое сознание еврейской общины в Германии не могло допустить мысли, что христианская нация, внесшая величайший вклад в мировую культуру, давшая миру Лейбница, Гёте, Баха, Гегеля, Бетховена, Канта, может создать целую индустрию, специализированную на физическом истреблении миллионов мирных мужчин, женщин и детей — беспрецедентный в истории технологический конвейер массовых убийств. Это было за пределами человеческого восприятия. Невозможно было представить, что

вот так просто можно умерщвлять мужчин, женщин и детей в газовых камерах и затем сжигать. Отсюда растерянность и оцепенение. Зафиксирован единственный случай протеста в Германии против Холокоста — 2 марта 1943 г. в Берлине (“бунт на Розенштрассе”), но он был организован самими немцами.⁴

Еврейская диаспора в довоенной Германии была многочисленной, активной и весьма авторитетной частью населения. Но даже энергичные и социально успешные люди становятся беззащитными при обрушении привычных норм человеческой морали. Человеческая психика оказывается весьма уязвимой в периоды подобных нравственных катаклизмов.

НАДЕЖДА НА ОБЩЕСТВЕННУЮ МОДЕРНИЗАЦИЮ

В 1990-х гг. в России произошло обрушение сложившихся моральных представлений. При этом самими реформаторами отрицательный эффект происшедшего был усилен. Начиная приватизацию, Е. Гайдар и члены его правительства активно убеждали россиян в равных возможностях участия в распределении общенародной собственности, в появлении многочисленного слоя акционеров, и делали это слишком энергично. Слова и фразеологемы — “общество равных возможностей”, “справедливое распределение”, “массовый слой акционеров”, “участие в распределении прибыли предприятий” и т.п. были доминирующими в материалах СМИ, посвящённых реформации. В этот период реформаторы не скупались на выступления по радио, телевидению, газетах и журналах, повышая градус общественных ожиданий.

На фоне всем надоевших косноязычных партийных деятелей молодые, образованные, прошедшие стажировку в лучших университетах Запада члены гайдаровской команды являли собой выгодный контраст. Доверие к ним — строителям новой России было необычайно высоким. И цели реформ, которые они декларировали, не вызывали никаких сомнений, ибо то, что они предлагали было не только широко известно и поддержано большинством населения, но уже внедрялось в практику: отказ от централизованного управления экономикой, восстановление частной собственности произошло ещё при М. Горбачёве.

Можно критиковать россиян за их национальную черту — излишнюю доверчивость. Но надо было быть уж совсем закоренелым скептиком, что-

⁴ Летом 1998 г. группа шахтёров из Кемеровской области устроила палаточный лагерь у Белого дома — им несколько месяцев не платили зарплату. Но к этому времени экономические реформы уже практически закончились.

бы в тот период отказать “младореформаторам” в доверии, ибо логика, по которой Россия должна была начать модернизационный рывок, была очевидной. Тем более, что соседи — страны Восточной Европы, не обладающие столь значительными техническими, человеческими и природными ресурсами — уже успешно осуществляли реформы.

В нашей периодике всё чаще высказывается суждение о завышенных ожиданиях россиян в начале 1990-х гг. Этот тезис сформулировали реформаторы и их приверженцы уже после проведения реформ. Но это ложный тезис, ибо надежды общества были вполне обоснованными.

Страна располагала достаточным для модернизации потенциалом. Советская система образования была ещё не разрушена, а её высокое качество даже сегодня, много лет спустя, никем в мире не оспаривается. Ведущие советские вузы готовили кадры высококлассных специалистов, многие из которых ныне успешно работают в западных научных центрах, получают там Нобелевские премии. Россия обладала тогда многими научными школами, в том числе одной из лучших в мире — математической. Так называемые “закрытые” города, где осуществлялись научные исследования и производилась наукоёмкая продукция, густой сетью опоясывали большие российские города — Москву, Ленинград, Свердловск, Горький, Саратов, Новосибирск, Томск, Красноярск. Сегодня никому не придет в голову оспаривать, что главное богатство государства, основное условие и источник модернизации — это его человеческий потенциал. Россия обладала этим капиталом в самой полной мере.

К этому надо добавить уникальные запасы минерального и энергетического сырья. Нет в мире стран, которые имеют столь масштабные сокровища: почти 30% разведанных богатств земных недр принадлежат России (при 2% мирового населения).

Что же касается готовности населения, то народный энтузиазм был никак не меньший, чем в Польше, Чехословакии или Венгрии. Общественные настроения тогда выразил Ю. Карякин: “Впервые в этом столетии Бог улыбнулся России”⁵.

ОБМАН СОБСТВЕННОГО НАРОДА

Глубину и интенсивность фрустрации общества усилила беспрецедентная стремительность происшедшего. Характеризуя деятельность реформаторов, А. Солженицын особенно подчеркивал «обвальность приватизации, то есть почти мгновенности её, врасплох... Приватизация внедрялась по всей стране и таким же неоглядным безумием, с той же разрушительной скоростью, как “нацио-

нализация” (1917–1919) и коллективизация (1929–1931)» [22, с. 21–22].

Понятие “врасплох” здесь является ключевым, так как даёт объяснение ступорозному состоянию общества и помогает найти ответ на вопрос, как могла быть допущена такая приватизация. То, что сменившие партийных бюрократов, молодые руководители новой России сразу же начнут лихорадочно, по очень точному выражению Е. Гайдара, “распикивать по карманам” [6, с. 193] общенародную собственность, только увеличило растерянность общества.

На общественную атмосферу решающее влияние оказали не столько материальные потери, как бы они ни были велики, а обман. Социальный пессимизм и апатия своим источником обязаны не столько ограблению, сколько осквернению души. Для менталитета русского человека духовно-нравственная ценность традиционно более значимая категория, чем ценность материальная. Ограбление может со временем забыться, но публичное унижение — иная категория, она надолго остаётся в коллективной памяти народа. Это — глубокий шрам, который постоянно напоминает о себе. Как писал М. Вебер, “нация простит ущемление её интересов, но не простит оскорбления её достоинства” [4, с. 694]. Проведённое Институтом социологии РАН в 2011 г. общероссийское социологическое исследование показало, что “самое распространённое по частоте переживание — чувство глубокой несправедливости всего происходящего вокруг. Это чувство, свидетельствующее о нелегитимности в глазах россиян самого миропорядка, сложившегося в России, испытывало хотя бы иногда, подавляющее большинство всех россиян (свыше 90%), при этом 46% испытывали его часто, а среди возрастных групп” старше 50 и старше 60 лет, т.е. тех, кто пережил эту драму, будучи взрослым, 57 и 66%, соответственно [11, с. 64–65].

Исследование зафиксировало, что доля россиян, считающих, что реформы были проведены именно так, как их следовало проводить, крайне мала — 6%, а если из выборки исключить тех, кто в 1990-е г. еще не родился или был ребенком, то эта цифра уменьшится до 4% [11, с. 23].

СТОКГОЛЬМСКИЙ СИНДРОМ, КОМПЛЕКС ВИНЫ И СОСТОЯНИЕ АФФЕКТА

В погашении протестной волны сыграли роль и экзистенциальные мотивы состояния массового сознания. При анализе морального состояния российского общества середины 1990-х гг. возникает аллюзия с ситуацией, обозначаемой психологами как идентификация жертвы с преступником —

⁵ Московские новости. 23.09.1991. С. 2.

“стокгольмский синдром”. Этот термин указывает на особенность человеческой психологии, испытывающей различные формы аберрации во внезапно возникшей кризисной ситуации. Стокгольмский синдром – термин социальной психологии, описывающий защитно-подсознательную травматическую связь, взаимную или одностороннюю симпатию, возникающую между жертвой и агрессором в процессе захвата, похищения и/или применения (или угрозы применения) насилия. Под воздействием сильного шока жертвы начинают сочувствовать бандитам, оправдывать их действия, и, в конечном счёте, отождествлять себя с ними, перенимая их идеи и считая свою жертву необходимой для достижения “общей” цели.

Психологический механизм стокгольмского синдрома состоит в том, что в условиях полной физической зависимости от агрессивно настроенного террориста человек начинает толковать любые его действия в свою пользу, испытывать привязанность, сочувствовать и симпатизировать, тем самым справляясь с чувством ужаса и гнева, которые он не имеет возможности выразить. Этот комплекс переживаний создаёт у жертвы иллюзию безопасности, остро необходимой в возникшей ситуации. Возможно, этот синдром – форма проявления инстинкта самосохранения, ослабление эмоционального шока, создающего угрозу потери жизнеспособности.

Многokrратно описанный зарубежными психологами механизм идентификации жертвы с преступником имеет в нашем случае существенную особенность, заключающуюся в более тесной их связи и более сложном взаимодействии: жертва осознаёт или, по крайней мере, чувствует свою причастность к порождению “преступника” – “мы сами привели их к власти”.

Чувство вины, переживаемое наиболее активными слоями общества – теми, кто составлял основную массу демократических процессов конца 1980-х – начала 1990-х гг.: “Мы – организаторы и участники многотысячных митингов несём ответственность за этот выбор”. Негативная массовая эмоция сопровождается растерянностью, самоосуждением, снижением самооценки. Эти астенические чувства (уныние, подавленность), несущие на себе печать общественной ответственности, характеризующиеся устойчивостью и длительностью, являются разрушительными для социума: человек уходит внутрь семьи, отчуждается от макропроблем, становится предельно индифферентным. При этом общественное чувство вины не являлось тогда переживанием по поводу какого-либо конкретного события, а представляло собой “разлитое” общее состояние, окрашивающее все другие общественные переживания. Это чувство

к середине 1990-х гг., когда уже стали очевидными итоги приватизации, вошло в стадию психологического истощения – следствие длительного воздействия стресса.

Чувство вины – непродуктивная реакция человека на самоосуждение и самообвинение. По сути, это агрессия, направленная на самого себя. Люди, испытывающие чувство вины, склонны к самобичеванию, самоедству, стремятся каким-либо способом понести самонаказание. Особенно глубоко чувство вины проникает в наиболее рефлексивную часть населения – интеллигенцию. Эта социальная группа получила наиболее глубокую травму, поверив в реформы и поддержав на первых порах Б. Ельцина, вследствие чего практически утратила свой моральный статус в обществе, оказалась в состоянии своеобразного социально-психологического нокдауна. Социологи единодушно фиксируют очевидный упадок этой социальной группы. Если голос интеллигенции во второй половине 1980-х гг. – начале 1990-х гг. был громким и даже непререкаемым, то с начала реформ он почти не звучит. «Сегодняшнее острое ощущение деградации слоя “культурных людей”, “интеллигенции”, “образованного сообщества” и т.п., произошедшей в последние годы, связано не только с фактической утратой ими авторитета, их “неслышностью”, или невлиятельностью... Широко распространённое принятие, если не одобрение ельцинского, и в ещё большей степени – действующего режима лишило интеллигенцию внутреннего самооправдания..., морального смысла существования» [10, с. 37].

Характер и поведение народа можно отождествлять с типичным характером и поведением индивидуума. На это ещё указывал Т. Гоббс, когда писал, что “народ есть нечто *единое*, он обладает *единой волей*, ему может быть предписано *единое действие*” [9, с. 372]. Оценивая и прогнозируя человеческие поступки, необходимо понимать и учитывать эмоциональное состояние, в котором действует человек. В правовой сфере существует понятие “аффект”, характеризующее сильные эмоциональные переживания, возникающие при невозможности найти выход из кризисных ситуаций. К находящемуся в аффекте человеку закон менее строг, т.е. правосудие проявляет милосердие, учитывая и психическое состояние, в котором он оказался, и приведшие к этому состоянию обстоятельства. Последствия аффекта связаны с изменением восприятия реальности, своеобразным “сужением” сознания.

Народ, еще не успевший пережить травматический шок в декабре 1991 г., вызванный утратой своей страны, получает еще один травматический шок – от криминальной приватизации, который оказался более болезненным из-за чувства соб-

ственной вины, что придает массовому настроению оттенок безысходности. Чувство вины, с одной стороны, рождает повышенную рефлексивность, самоистязание, пессимизм, с другой — требует замещения: психологической защиты от нежелательного контекста. Понятие “замещение” (*ersatz*) было использовано З. Фрейдом для описания работы бессознательных психических механизмов, позволяющих избавиться от вызывающей психологический дискомфорт ситуации, подменяя её чем-то другим. Вина за происходящее переносится на нечто другое, более масштабное и, главное, более устойчивое в общественном дискурсе — историческую предопределённость из-за “наследственных” пороков (коммунистический тоталитаризм, самодержавие, крепостное право, Ордынское иго, Византийские традиции и далее до языческого наследия Древней Руси). Эта “неблагоприятная генетика” имплицитно указывает на непреодолимые обстоятельства. В основе процесса конструирования фатальной “социально-исторической реальности”, переходящего в массовое национальное самоуничтожение, лежат защитные механизмы психики — замещение и компенсация, с помощью которых из сознания устраняется травмирующая информация (привели к власти Б. Ельцина, оказали поддержку “младореформаторам”), снижается интенсивность таких негативных состояний как внутренний конфликт и фрустрация. Но одновременно с “освобождением от вины за 1990-е” в общественное сознание привносится фатальная обречённость и социальный пессимизм. И, что очень важно, снижается возможность трансляции этого опыта на общественном уровне для его обсуждения и анализа. И то, и другое уменьшает созидательный потенциал нации.

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕФОРМ 1990-х ГОДОВ

Отсутствие протеста только фрустрацией и ступором, в которое погрузилось российское общество, объяснить нельзя. Такое объяснение будет неполным, так как оно превращает реформаторов в пассивных бенефициаров национальных богатств.

В отличие от апатичного и пассивного объекта управления субъект продемонстрировал значительную активность не только в спешном разделе государственной собственности, но и в идеологическом обеспечении внедряемой экономической модели. Индоктринирование массового сознания в 1990-х гг. было проведено организованно и по всему идеологическому фронту. Реформаторам важно было заставить общество признать необходимость скоропалательной приватизации. Для этого активно использовалась угроза “коммунистического реванша”. Эта надуманная опасность

нагнеталась по мере возникновения острых ситуаций. Её особенно удачно разыграли в период президентской избирательной кампании 1996 г.

Методы воздействия на общественное сознание были психологически эффективными. Например, утверждение о негуманности “рубить кошке хвост по частям”. В качестве наиболее характерного примера можно указать на образ, долго эксплуатируемый в российских СМИ: “через пропасть невозможно перепрыгнуть в два прыжка”. Пропаганда этого образа должна была внедрить в общественное сознание россиян ту мысль, что реформы должны проводиться в максимально быстром темпе. Обман заключался в том, что этот действительно выразительный и психологически эффективный пропагандистский образ был ложен по существу. “Люди и страны не козы. И не должны прыгать через пропасти. Нормальные люди строят через них мосты”, — резонно заметили по этому поводу петербургские социологи А. Бороноев и П. Смирнов. (К этому можно добавить, что нормальные люди не рубят кошкам хвосты — Р.С.). “Но в тот период любой публичный намёк, любое движение общественной мысли в сторону обоснованности поэтапного проведения приватизации, целесообразности постепенного осуществления преобразований резко пресекалось обвинениями в консерватизме, в стремлении к возврату старых порядков и т.п.” [2, с. 278]. Никакая сверхобоснованная прагматика в 1990-е годы в расчёт не принималась. Пропагандистская кампания, направленная на обоснование максимально быстрого проведения приватизации, была организована реформаторами, надо им отдать должное, практически безупречно.

Начавшийся делёж или, по нынешней терминологии, “распил” государственной собственности потребовал найти ему объяснение, чтобы если и не заставить население принять новые “правила игры”, то хотя бы смягчить реакцию общественного мнения, побудить россиян “философски” относиться к происходящему.

Базовая идеологема реформаторов — “Так было всегда!”. Периодика тех лет целенаправленно настраивала массовую аудиторию на неизбежность моральных потерь при проведении реформ, независимо от того, кто их будет проводить. В массовое сознание внедрялся тезис: “молодые реформаторы действуют несправедливо, возможно, даже преступно, но те, кто их сменит, могут оказаться ещё хуже”. В 1990-е гг. российские СМИ часто упоминали старинную притчу о нецелесообразности отгонять мух с обнажённого тела наказанного, ибо на их место прилетят другие, голодные, а следовательно, более злые. Постоянно твердили о господстве “инстинкта грабить”, пока не будет достигнуто состояние “сытости”; усиленно пропагандировали тезис об обре-

чённости “голодных людей, оказавшихся во власти, на казнокрадство” и т.п. Использовались все исторические сюжеты и библейские притчи на эту тему.

После усвоения массовым сознанием общей доктрины её конкретизировали: “Так было всегда в России!”. Тезисы об “особом пути”, “неевропейской ментальности” русского этноса, “азиатском способе производства” и все последующие из этого ряда, который в общем виде определяется как “российская самобытность”, “особый путь” и т.п. усиленно эксплуатировались, убеждая общество в извечной безнравственности российской власти, генетических корнях российского лихоимства, традиции “кормления” воевод. Тогдашняя российская пресса пестрела историческими аллюзиями на тему аморальности государственных деятелей [21, с. 141–142]. «Российская специфика» торжествовала в этой массивной атаке на общественное сознание россиян.

Если “российская специфика” была призвана покрывать масштабную коррупцию новой бюрократии, то в еще большей мере она использовалась в сфере нового предпринимательства. В общественное сознание усиленно внедрялись представления о русских купцах как нравственно нечистоплотных, малообразованных людях, бессовестных обманщиках и ворах, что обобщалось и декларировалось как качество, заложенное в национальном характере, и легитимировало правовую безнаказанность новых капиталистов — олигархов. Рефрен “российская специфика” в явном и неявном виде подавался как индульгенция прощения грехов.

Этот пропагандистский напор имел очень слабое отношение к действительности. Тезисы реформаторов, представленные аллюзиями и реминисценциями предрассудков и стереотипов советского наследия, по существу были ложными.

Это относится к “неевропейской ментальности”, о которой часто упоминал Е. Гайдар в своей книге “Государство и эволюция”, посвященной оправданию приватизации. Здесь реформаторы воспользовались старым советским опытом. Педантизм “азиатской” или мягче — “неевропейской” ментальности является традиционным способом оправдания правящей бюрократии своих просчётов и своей некомпетентности. «Наше российское неизбывное, почти сакральное, что Европа — это одно, а Россия — совсем другое, сидит в нас уже едва ли не на уровне инстинкта. Причём, как многие свято веруют, Россия — это настолько другое, что и путь у неё, как нам внушают какое уж столетие, совершенно свой. Особый. И статья тоже своя, особенная. И умом её тем более не понять, как и аршином общим не измерить, — описывает этот способ И. Виноградов. — От этих священных коров нашей российской “особости” действитель-

но никуда не денешься — они так давно уже пасутся на полях нашего национального сознания и молочно их так въелось всей своей отравой в наш духовный мир, что мало кто уже способен отделить этот комплексно-патриотический невроз от того зерна истины, на котором он паразитирует» [5, с. 58].

В 1990-е года в обществе произошло “тотальное искажение истории России, которая рисовалась тогда в самых тёмных красках. Русский народ предстает в ней как агрессивный, бездеятельный, ленивый, консервативный, неспособный воспринимать ценности цивилизованного мира” [17, с. 15]. Особенно “не повезло” предпринимательству. Навязанные представления об этих людях являются, по существу, оскорбительными для национального достоинства России. Русское предпринимательство в основном вышло из старообрядчества, которое дало России большинство купеческих династий. В начале XX века почти 70% российского промышленного капитала принадлежало старообрядцам, славившихся умением упорно, почти без отдыха трудиться и абсолютным трезвенничеством. Они отличались образованностью и исключительной нравственной чистотой. Моральные ценности и требования этой среды были не только не ниже, но во многом выше императивов западной протестантской этики, что отмечали зарубежные обществоведы. Так, М. Кастельс, анализируя альтернативные протестантским формы капиталистического развития, подчеркивал, что “российская культура, поддерживающая капитализм, была не менее эффективной, чем англосаксонская культура” [15, с. 194]. Описывая благородство и трудовую этику старообрядцев, один из крупнейших русских предпринимателей В. Рябушинский заметил: “Родовые фабрики были для нас то же самое, что родовые замки для средневековых рыцарей” [3, с. 187].

Ещё одним аргументом “особой склонности россиян к коррупции” является обращение к существовавшей в России традиции “кормления” воевод. Но апелляция к временам Московского княжества (ибо уже при Петре Великом за “кормление” строго наказывали, а в XIX веке это явление практически исчезло, о чём свидетельствует деятельность генералов А. Ермолова, Н. Муравьёва-Амурского, И. Паскевича, В. Долгорукова, М. Лорис-Меликова, а также В. Арцимовича, М. Сперанского, М. Воронцова, К. Грота, И. Дашкова, Г. Державина, М. Пашкова, М. Салтыкова-Щедрина, П. Столыпина, и других менее известных российских губернаторов) не может служить “историческим” или “национальным” обоснованием коррупции, принявшей в 1990-е гг. чудовищный в новейшей истории России масштаб.

Все эти ложные представления, адресованные населению как неистребимая “российская специфика”, были успешно использованы для идеологи-

ческого обеспечения реформ. Учитывая состояние общественного сознания, это не было трудновыполнимой задачей.

Таким образом, отсутствие протестных акций объяснялось сочетанием двух факторов. Во-первых, растерянностью общества, его шоковым состоянием, что было чрезвычайно выгодно для реформаторов. Как точно подметил Венедикт Ерофеев — “народ должен быть затемнён и обескуражен” [14, с. 4]. И, во-вторых, умело организованной пропагандой, в том числе, индоктринированием в массовое сознание завораживающих фразеологем — “уникальность русского народа”, его “особый путь”.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на все эти неблагоприятные обстоятельства, российский народ всё же сумел выразить своё отношение к реформам. Через 2 года после их начала на парламентских выборах в декабре 1993 г. правящая гайдаровская партия получила всего 15.5% голосов — это был оглушительный провал реформаторов. А ещё через 2 года на парламентских выборах в декабре 1995 г. — всего 3.9%, т.е., заблуждающихся относительно происходящих реформ практически не осталось, вердикт народа был вынесен. За реформаторов голосовали только те самые 4%, “выигравших от реформ”, которые уже были упомянуты в начале статьи.

В последнее время критика реформ 1990-х гг., как и необходимость замены созданной тогда ресурсной модели становится информационным трендом, разрабатываются новые экономические модели. Но самая главная и самая сложная задача — восстановление общественной морали (подробнее см. [26]). Только тогда общественная модернизация, и прежде всего, в хозяйственно-экономической сфере, будет успешной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богомолов О.Т.* Постсоциалистические страны в условиях глобализации. М.: Экономика, 2001.
2. *Бороноев А.О., Смирнов П.И.* Российский менталитет и реформы. СПб.: СПбГУ, 2000.
3. *Бурыйкин П.А.* Москва купеческая. М.: Высшая школа, 1991.
4. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
5. *Виноградов И.И.* Христианская интеллигенция России перед лицом исторического вызова // Континент. 2013. № 1. С. 24–31.
6. *Гайдар Е.* Государство и эволюция. М.: Альпина Паблишер, 1994.
7. *Гилинский Я.* Организованная преступность в России. СПб.: ИС РАН, 1996.
8. *Глазьев С.* Геноцид. М.: Терра, 1998.
9. *Гоббс Т.* Избранные произведения в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1964.
10. *Гудков Л.* Негативная идентичность. М.: НЛО, 2004.
11. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. М.: Весь мир, 2011.
12. Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1996.
13. *Дуткевич П., Попов В.* Худшее, может быть, уже позади? // Современная Европа. 2004. № 4. С. 41–55.
14. *Ерофеев В.* Москва — Петушки. М.: Интербук, 1990.
15. *Журавлёв А.Л., Курейченко А.Б.* Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2003.
16. *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
17. *Кольцова В.А., Журавлёв А.Л.* Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 5–17.
18. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка М.: Русский язык, 1990.
19. *Рубинштейн А.* От Герцля до Рабина и дальше. Минск: МЕТ, 2002.
20. *Рыбаковский Л.Л.* 20 лет депопуляции в России. М.: Экон-информ, 2014.
21. *Симонян Р.Х.* Существует ли особый “русский путь”? (полемика заметки) // Социс. 2013. № 7. С. 137–148.
22. *Солженицын А.И.* Россия в обвале. М.: Евразия, 2010.
23. *Симчера В.М., Соколин В.Л., Шевяков А.Ю.* К построению исторических рядов социально-экономического развития России // Экономическая наука современной России. 2001. № 1. С. 7–26.
24. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1998.
25. Социальные неравенства и социальная политика в современной России. М.: Наука, 2008.
26. *Юревич А.В., Журавлев А.Л.* Психология нравственности как область психологического исследования // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 4–14.
27. *Breslauer G.W.* Personalism versus proceduralism: Boris Yeltsin and the institutional fragility of the Russian system // Russian in the new century stability or disorder? N.Y., 1997.

THE REACTION OF THE POPULATION TO THE ECONOMIC REFORMS OF THE 1990s: THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECT

R.H. Symonyan

*Doctor of Sociology, Chief Researcher of the Center for European Studies
IMI MGIMO (U) Ministry of Foreign Affairs of Russia; 119454, Moscow, pr.Vernadskogo, 76, Russia.
E-mail: sim@isras.ru*

Received 03.12.2017

Abstract. The study of the reaction of group and social consciousness to the crisis of life is one of the important and complex tasks of social psychology. The article is devoted to the economic transformations that began in 1992. This turned out to be a hard test for the population of Russia: many enterprises were closed – out of 33.6 thousand medium and large there were just over 5 thousand, 55% of the population was either below the poverty line, or on the verge of this trait, there was an explosion of crime. In 1995, more than 15 thousand criminal groups operated in the country, public morality fell, population depopulation began, that is, the quality of life deteriorated significantly. Despite the situation, in the country, with a high level of politicization, there were no mass protests. The article analyzes the socio-psychological causes of this social phenomenon: on the one hand, the feeling of disappointment and doom among the population as a result of unsuccessful reforms, and on the other, the introduction of public anomie in a mass media campaign to justify reforms and methods of holding them.

Keywords: economic reforms of the 1990s, moral and psychological atmosphere, frustration, catatonic stupor, indoctrination of mass consciousness, “Russia’s special path”

REFERENCES

1. *Bogomolov O.T.* Postsocialisticheskie strany v usloviyah globalizacii. Moscow: Jekonomika, 2001. (In Russian)
2. *Boronev A.O., Smirnov P.I.* Rossijskij mentalitet i reformy. St. Petersburg: SPbGU, 2000. (In Russian)
3. *Buryshkin P.A.* Moskva kupecheskaja. Moscow: Vysshaja shkola, 1991. (In Russian)
4. *Veber M.* Izbrannye proizvedenija. Moscow: Progress, 1990. (In Russian)
5. *Vinogradov I.I.* Hristianskaja intelligencija Rossii pered licom istoricheskogo vyzova // Kontinent. 2013. № 1. P. 24–71. (In Russian)
6. *Gajdar E.* Gosudarstvo i jevoljucija. Moscow: Al’pina Pabliisher, 1994. (In Russian)
7. *Gilinskij Ja.* Organizovannaja prestupnost’ v Rossii. St. Petersburg: IS RAN, 1996. (In Russian)
8. *Glaz’ev S.* Genocid. Moscow: Terra, 1998. (In Russian)
9. *Gobbs T.* Izbrannye proizvedenija v 2-h tt. V. 1. Moscow: Mysl’, 1964. (In Russian)
10. *Gudkov L.* Negativnaja identichnost’. Moscow: NLO, 2004. (In Russian)
11. Dvadcat’ let reform glazami rossijan: opyt mnogoletnih sociologicheskikh zamerov. Moscow: Ves’ mir, 2011. (In Russian)
12. Dinamika social’no-psihologicheskikh javlenij v izmenjajushemsja obshhestve. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 1996. (In Russian)
13. *Dutkevich P., Popov V.* Hudshee, mozhet byt’, uzhe pozadi? // Sovremennaja Evropa. 2004. № 4. P. 41–55. (In Russian)
14. *Erofeev V.* Moskva – Petushki. Moscow: Interbuk, 1990. (In Russian)
15. *Zhuravljov A.L., Kuprejchenko A.B.* Nravstvenno-psihologicheskaja reguljacija jekonomicheskoj aktivnosti. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2003. (In Russian)
16. *Kastel’s M.* Informacionnaja jepoha. Jekonomika, obshhestvo i kul’tura. Moscow: GU VShJe, 2000. (In Russian)
17. *Kol’cova V.A., Zhuravljov A.L.* Sushhnostnye karakteristiki i faktory formirovanija rossijskogo mentaliteta // Psihologicheskii zhurnal. 2017. V. 38. № 3. P. 5–17. (In Russian)
18. *Ozhegov S.I.* Slovar’ russkogo jazyka Moscow: Russkij jazyk, 1990. (In Russian)
19. *Rubinshtejn A.* Ot Gerclja do Rabina i dal’she. Minsk: MET, 2002. (In Russian)
20. *Rybakovskij L.L.* 20 let depopuljaciej v Rossii. Moscow: Jekon-inform, 2014. (In Russian)

21. *Simonjan R.H.* Sushhestvuet li osobyj “russskij put”? (polemicheskie zametki) // *Socis*. 2013. № 7. P. 137–148. (In Russian)
22. *Solzhenicyn A.I.* Rossija v obvale. Moscow: Evrazija, 2010. (In Russian)
23. *Simchera V.M., Sokolin V.L. Shevjakov A. Ju.* K postroeniju istoricheskikh rjadov social’no-jekonomicheskogo razvitija Rossii // *Jekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii*. 2001, № 1. P. 7–26. (In Russian)
24. Social’no-psihologicheskaja dinamika v uslovijah jekonomicheskikh izmenenij. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 1998. (In Russian)
25. Social’nye neravenstva i social’naja politika v sovremennoj Rossii. Moscow: Nauka, 2008. (In Russian)
26. *Jurevich A.V., Zhuravlev A.L.* Psihologija npravstvennosti kak oblast’ psihologicheskogo issledovanija // *Psihologicheskii zhurnal*. 2013. V. 34. № 3. P. 4–14. (In Russian)
27. *Breslauer G.W.* Personalism versus proceduralism: Boris Yeltsin and the institutional fragility of the Russian system // *Russian in the new century stability or disorder?* N.Y., 1997.